

скотоводческим, и оно само — земледельцы и скотоводы; подвижные же ФС бывают и у земледельцев, которые в этом случае сами оказываются оседлыми земледельцами и подвижными скотоводами.

В заключение попытаемся представить нашу классификацию графически. В схеме слева направо отражено движение от систем и форм к типам скотоводства, от низшего уровня классификации к высшему; сверху вниз — уменьшение подвижности скотоводства от кочевого к стойловому. В сложно-составных определениях последовательность расположения терминов отражает уменьшение бытования обозначенных ими феноменов.

В. Б. Ковалевская

ДРЕВНИЕ ТРАДИЦИИ В ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВЕ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Древние жилища балкарцев и карачаевцев, традиции домостроительства у этих народов в последние годы стали предметом пристального изучения в ряде историко-архитектурных и этнографических работ¹. В результате мы получили представление о типах жилых усадеб, особенностях организации внутреннего пространства жилищ и степени его дифференцированности, плановых и композиционных решениях, тенденциях в развитии жилища в горизонтальной плоскости, о строительных приемах, излюбленных материалах и т. д. Однако предпринятые попытки рассмотрения домостроительных традиций карачаевцев и балкарцев в исторической перспективе были ограничены неполнотой археологических материалов, документирующих различные, и прежде всего ранние исторические периоды.

Раскопки автора в 1977—1980 гг.² в зоне Кисловодского регулирующего водохранилища на Эшкаконе в Малом Карачае, а еще ранее — в окрестностях Кисловодска средневековых поселений заставили пересмотреть вопрос о древних корнях местных домостроительных традиций. Было раскопано древнее поселение эпохи бронзы и раннего железа, занимающее холм конуса выноса и надпойменную террасу при слиянии речки Уллубаганалы с Эшкаконом. В процессе раскопок здесь было открыто несколько археологических памятников, сменивших друг друга. К древнекобанской культуре (IX?) VIII—VII вв. до н. э. относится небольшое (350—400 м²) поселение, состоявшее первоначально из одного большого дома (60—70 м²), после разрушения которого несколько южнее была сооружена усадьба (около 100 м²) из двух жилых домов и двух дворов — крытого и открытого загона. В непосредственной близости от разрушенного временем и оставленного людьми дома-поселка, к западу

¹ Бернштейн Э. Б. Народная архитектура балкарского жилища. — Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик; Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960, с. 186—217; Кобычев В. П. Типы жилища у народов Северо-Западного Кавказа в середине XIX в. — Кавказский этнографический сборник (далее КЭС). V. М.: Наука, 1972, с. 157—167; Текеев К. М. Жилища карачаевцев в XIX в. — Вестн. Кабардино-Балк. НИИ. V. V. Нальчик: Эльбрус, 1972, с. 72—90; Асанов Ю. Н. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев (вторая половина XIX в. — 40-е годы XX в.). Нальчик: Эльбрус, 1976; Поляшова-Курянцева О. П. Архитектурная традиция карачаевцев. — Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 121—151; Кобычев В. П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1982.

² Ковалевская В. Б. Разведки и раскопки на р. Эшкаконе. — Археологические открытия (далее — АО), 1977. М.: Наука, 1978, с. 122—123; *её же*. Новейшие раскопки поселения поздней бронзы и раннего железа Уллубаганалы II в Карачаево-Черкесии. — IX Крупновские чтения (тезисы). Элиста, 1979, с. 25—27; Ковалевская В. Б., Козенкова В. И. О работах Малокарачаевского отряда. — АО, 1978. М. Наука, 1979, с. 128—129; Ковалевская В. Б. О работе Малокарачаевского отряда. — АО, 1979. М.: Наука, 1980, с. 111—112.

от него, а частично заходя на его территорию, находился могильник VII—VI вв. до н. э. (площадью в 350 м²). К северу, к востоку и югу от могильника располагалось одновременное ему поселение кобанской культуры VII—VI вв. до н. э.³, перекрывавшее поселение VIII—VII вв. до н. э. и занимавшее площадь в несколько тысяч квадратных метров. Судя по найденным вещам и многочисленному керамическому материалу, оба рассматриваемых поселения кобанской культуры резко различаются между собой. Достаточно сказать, что в раннем поселении представлены только костяные и бронзовые находки (орудия труда, оружие и украшения), а в позднем — железные и костяные. Оба поселения и могильник расположены на мысу, там, где ущелье заметно расширяется за счет конуса выноса правого притока Эшкакона, реки Уллубаганалы и защищено с севера горным шпилем с небольшой ровной площадкой наверху, дополнительно по периметру укрепленной каменной кладкой без скрепляющего раствора. Очевидно, эту «циклопическую» крепость можно считать убежищем для древних кобанцев, живших около реки. Мыс, на котором располагаются оба поселения, находится на высоте 1050 м над уровнем моря. Слегка наклонная поверхность мыса переходит в крутые (40—45°) лесистые склоны, по которым проходит достаточно широкая грунтовая дорога, выводящая из ущелья на альпийские пастбища (перепад высот здесь составляет более 500 м); другая дорога (вдоль Эшкакона) идет вверх по ущелью.

Поселок древнекобанской культуры вначале состоял из одного большого углубленного в землю помещения № 2, для сооружения которого был вырыт котлован, ориентированный примерно по сторонам света, глубиной около полуметра, площадью в 60—70 м². По внутренним краям котлована на материке обнаружены остатки стен из горизонтально положенных, не скрепленных раствором плит известняка и розового гранита. В центре по линии север — юг в материке две ямы от опорных столбов для перекрытий диаметром 0,18—0,20 м. Примерно в 2 м от них к востоку — три менее глубоких и меньшего диаметра столбовые ямы, окруженные вымосткой из речных камней. Возможно, они членили перегородками на несколько небольших отсеков восточную, жилую часть помещения. От первого этапа существования жилища № 2 остался культурный слой, мощностью в 0,15—0,20 м, слабо насыщенный керамикой и не содержащий никаких данных о членении дома ни конструктивно, ни функционально. При дальнейшем усовершенствовании жилища по его периметру вдоль стен были тщательно уложены плотно пригнанные

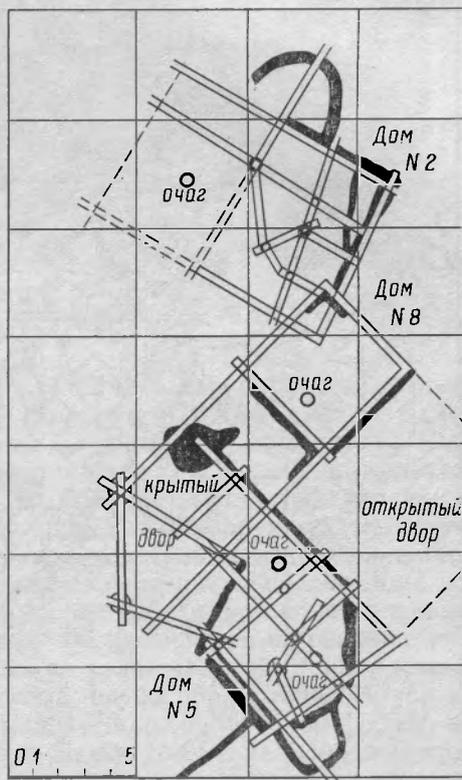

Рис. 1. Схема расположения жилых и хозяйственных помещений древнекобанского поселения Уллубаганалы (заливкой указаны стены помещений, линиями реконструированные балки кровельных перекрытий)

³ Ковалевская В. Б. Воинские погребения раннескифского времени кобанского могильника Уллубаганалы в Карачаево-Черкесии. — В кн.: Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. (Материальная и духовная культура. В. 2). Черкесск, 1983, с. 18—34.

Рис. 2. План помещения № 5 (жилая часть и крытый двор) древнекобанского поселения Улубаганалы: 1 — камни и скальные обломки, — 2 — погребения VII—VI вв. до н. э., 3 — столбовые ямы, 4 — очаги, 5 — чашечные камни, АБ — линия разреза

между собой плиты, направление которых совпадает с направлением стен. Их можно трактовать как каменные нары жилой части помещения, имеющие ширину в 1,5—2,0 м. На этих слабо возвышавшихся (на 0,10—0,15 м) каменных нарах могли быть положены шкуры или сено, аналогично тому, как описывал турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби: «на постелях бедняков постлана (сухая) трава. Подушки сделаны из бараньих шкур. Дома, которые принадлежат мирзам, в этой стране украшены чистыми циновками, войлоками и ткаными коврами»⁴. В центральном помещении, в восточной его части, пол был вымощен камнем (жилая зона), в западной — земляной (хозяйственная зона). Здесь находился глинобитный очаг, около которого найдены три целых сосуда.

⁴ Челеби Э. Книга путешествия. В. 2. М.: Наука, 1979.

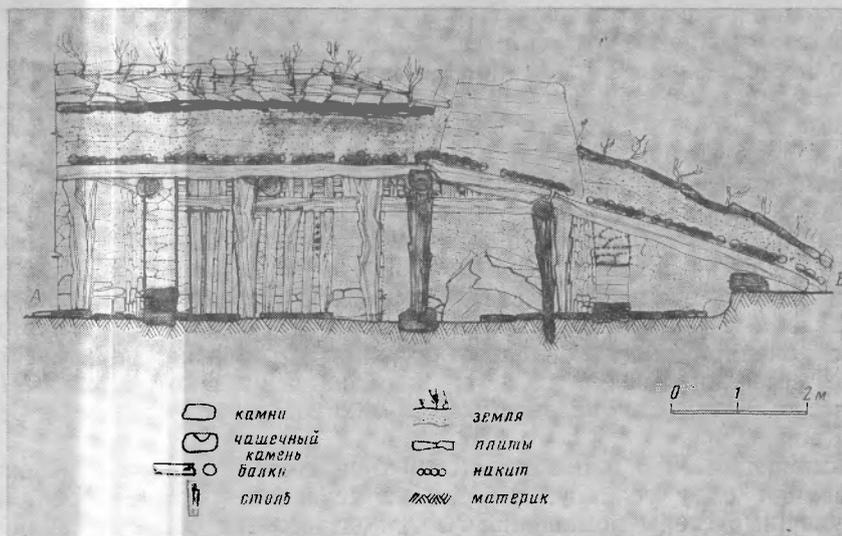

Рис. 3. Разрез и реконструкция помещения № 5

Можно предположить, что три столба, параллельные восточной стене,— это остатки перегородки, отделявшей спальную ($6,6 \times 8 \text{ м}^2$) часть, в свою очередь разделенную перегородками на три небольших камеры (площадью $4,5 \text{ м}^2$, $2,2$ и 4 м^2), от основного помещения. В порядке гипотезы можно предположить, что камеры — это спальные места трех входивших в состав большой семьи супружеских пар. После сооружения вымостки пола был воздвигнут второй ряд кладки у восточной стены, сохранившейся на 2—3 ряда по высоте и состоящей из горизонтально лежащих или поставленных на торец известняковых плит. Интересной конструктивной особенностью дома является наличие хозяйственного помещения, пристроенного к нему с севера. У восточного угла северной стены в кладку вставлен выступающий наружу крупный, грубо обработанный блок известняка. Им начинается каменная кладка подковообразной формы, которая ограничивает небольшую пристройку к дому с наклонным полом, расположенным на 50 см выше, чем пол помещения № 2.

Следующим строительным горизонтом поселения VIII—VII вв. до н. э. надо считать два помещения (№ 5 и 8), первое из которых идентично рассмотренному выше и отстоит от него к югу на 5 м. Жилище углублено в землю на 80 см. Его жилая часть имеет форму квадрата со скошенным юго-восточным углом площадью в $35\text{—}40 \text{ м}^2$, ориентировано оно углами по сторонам света. Как и в помещении № 2 первого строительного горизонта, к южному углу снаружи было пристроено небольшое помещение с полом, выложенным аккуратными крупными плитами. В центральной части жилища пол земляной, местами из мелкой щебенки, по периметру выложен крупными каменными плитами. По расположению столбов можно предполагать, что в восточной части жилища перегородками было выделено несколько камер. В центральной части дома на полу, рядом с открытым очагом, находился чашечный камень. Вполне вероятно, что чашечный камень, вкопанный в землю (вес его около полутонны) в центре помещения, служил опорой для центрального столба⁵. Этим же целям служили расположенные вне жилого помещения два чашечных камня (расстояние между ними 5 м), каждый из которых оказался на одной из линий опорных столбов жилища № 5 (северный на основной, южный — на линии стены и двух столбов второй линии). Эти чашечные камни являлись базой фасадных столбов-ворот крытого

⁵ Центральный столб был священным центром дома. См. *Кобычев В. П. Поселения и жилище...*, с. 140—141.

двора. Пол во дворе земляной, покрыт щебенкой в западной части и аккуратно вымощен крупными плитами вдоль северо-восточной и фасадной, северо-западной стен помещения.

Стены имели различную конструкцию. Особый интерес представляет юго-западная стена, состоящая из двух рядов каменной кладки. От первого, кладка которого начинается со дна основного жилого котлована, сохранилось 2—4 ряда. За ним находится заполненное землей пространство в 40—60 см (здесь найдена керамика VIII—VII вв. до н. э.). Второй ряд состоит из более крупных камней, начинающихся на 20 см выше первого. Общая ширина юго-западной стены составляет 120 см; если вспомнить, что это внешняя стена, можно допустить, что она выполняла определенные оборонительные функции. В культурном слое наряду с многочисленной керамикой (десятки тысяч фрагментов) найдены бронзовые мотыжки, имеющие ближайшие аналогии в комплексах VIII—VII вв. до н. э. из Закавказья⁶ и до этих находок неизвестные на Северном Кавказе.

Помещения № 5 и 8 находятся в одном строительном горизонте и составляют одну усадьбу, которая на северном участке перекрывает разрушенные стены помещения № 2, подтверждая более древний возраст последнего.

Помещение № 8 имеет квадратную форму (42—45 м²), оно незначительно углублено в землю и углами ориентировано строго по сторонам света. Пол помещения — земляной, в южном углу — открытый глинобитный очаг. Культурный слой в жилище насыщен костями и керамикой и датируется теми же VIII—VII вв. до н. э. «Водосток», начинающийся внутри помещения, возможно, свидетельствует в пользу производственного или хозяйственного назначения этого помещения.

Для целей нашего дальнейшего исследования — сопоставления деталей домостроительства VIII—VII вв. до н. э., выявленных нами при раскопках и обобщенных материалов по архаическим жилищам карачаевцев и балкарцев достаточно приведенных выше описаний домов и усадьбы двух строительных горизонтов поселения VIII—VII вв. до н. э., так как именно этот материал послужит нам отправной точкой в наших построениях и реконструкциях.

Ряд сходных черт древнего кобанского и архаического карачаевского и балкарского жилища можно объяснить влиянием окружающей среды («культурная идиоадаптация») и полагать, что они могли возникнуть самостоятельно — выбор места для жилищ на освещенных солнцем склонах ущелий, у родников и скотопрогонных троп, использование камня и дерева. Но, кроме того, в традициях домостроительства прослеживается ряд специфических признаков, ареал которых ограничивается территорией от верховьев Кубани до верховьев Терека, а время — от кобанских древностей до домов карачаевцев, балкарцев и осетин недавнего прошлого, что, безусловно, говорит о культурной преемственности древнего и позднего местного населения.

Перечислим все те общие или частные признаки исследуемого жилища, которые связывают между собой столь отдаленные эпохи. Вспомним, что этой теме — культурной преемственности — были посвящены как специальные работы, так и обобщающие монографии. Исследователи сумели проследить в жилище преемственность элементов культуры от кобанской через средневековую аланскую вплоть до недавнего прошлого стиль зооморфных изображений, использование для захоронений каменных ящиков, грунтовых могил, обложенных и перекрытых камнем, отдельные типы керамики, способы ее орнаментации и оформления внешней поверхности, бронзовые амулеты и т. д.⁷

⁶ Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969, табл. XXXVI, 22—26, XXXVII, 2—6.

⁷ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971, с. 96—97.

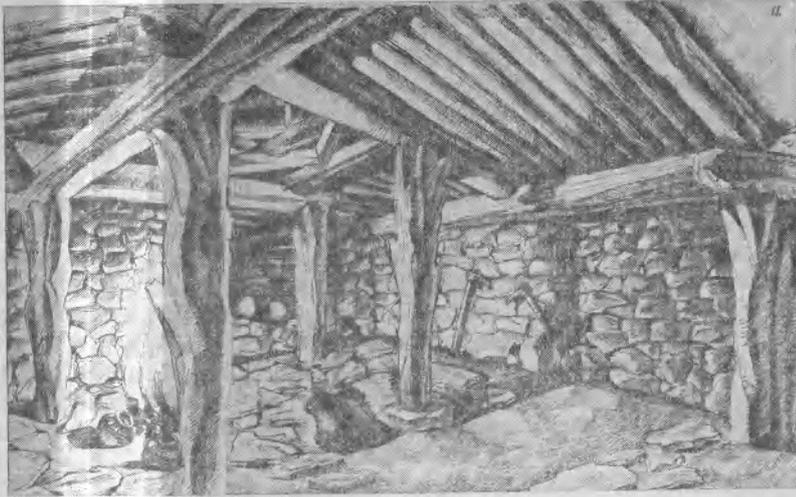

Рис. 4а, б. Интерьер и внешний вид помещения № 5 (реконструкция автора статьи и арх. А. Петуховой)

В результате исследования «кобанского наследия» в ранне- и позднесредневековой культуре горцев Кавказа В. М. Батчаев пришел к следующему выводу: «В количественном отношении древние формы представлены не отдельными спорадическими элементами, а комплексом элементов, составляющих первооснову раннесредневековой культуры горцев», охватывающих «по существу все структурные компоненты раннесредневековой культуры...»⁸. Но данные по древнекобанским жилищам для предгорной и горной полосы до недавнего времени отсутствовали. В обобщающих работах по жилищу народов Северного Кавказа⁹ в качестве наиболее ранних аналогий могли использоваться лишь позднесредневековые материалы по балкарцам, а также немногочисленные, часто не опубликованные данные из раскопок аланских поселений.

Постараемся заполнить этот пробел. Начнем с выбора места. Закрытое ущелье с обилием родников, хорошими почвами в долине для занятий земледелием и прекрасными альпийскими пастбищами на плос-

⁸ Батчаев В. М. Элементы кобанской культуры в средневековой материальной культуре Северного Кавказа: Автореф. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М.: Ин-т археологии АН СССР, 1973, с. 14—15.

⁹ Кобычев В. П. Поселения и жилище..., с. 7—22.

когорье по водоразделам, прогреваемый солнцем мыс при слиянии Эшкакона и Уллубаганалы, загороженный от ветров, были для древнего населения удобным местом для жизни человеческого коллектива. Подступы к поселению со всех сторон хорошо просматривались. Малый размер поселка (один большой однокамерный дом первого строительного горизонта VIII—VII вв. до н. э.), усадьба с крытым двором в сочетании с однокамерным домом и загоном для скота второго строительного горизонта того же времени и уже относительно большая площадь поселения VII—VI вв. до н. э. находят параллели в этнографических материалах прошлого века из горных и равнинных районов Северного Кавказа¹⁰. Квадратная (помещение № 2,8 VIII—VII вв. до н. э., большинство домов VII—VI вв. до н. э.) и многоугольная (помещение № 5) форма жилища, как наиболее архаичная у балкарцев¹¹ и карачаевцев¹², а также и большие размеры, и однокамерность¹³ присущи композиционно-планировочному построению древнекобанских жилищ. Но их сходство обнаруживается и в другом. Древние жилища VIII—VII вв. до н. э. врезаны в склон или сооружены в углубленном котловане, когда в качестве одной из стен используется скальный монолит, очевидно искусственно подправленный древними мастерами для придания стене вертикальности. Подобное можно видеть и при сооружении балкарских (дом Тану Оттоева)¹⁴ и карачаевских домов¹⁵ XVIII—XIX вв.

Конструкция стен (1—1,2 м толщиной), состоящих из плотно пригнанных необработанных камней, положенных без раствора, частично горизонтально, частично торцом, более крупных в нижних рядах и меньших выше, отражает опять-таки специфику жилищ северокавказских горцев — стены не являются основным несущим элементом конструкции¹⁶.

Наличие центральных опорных столбов (одного или двух на расстоянии 1,5—2,0 м), использование плоских камней, положенных в глубь столбовых ям, — вот те специфические признаки, которые объединяют формы жилищ с временным разрывом в две с половиной тысячи лет¹⁷. Эти аналогии позволяют нам предложить реконструкцию исследованного на Эшкаконе жилища. Кровли на них, очевидно, были пологими, двускатными, опирающимися на центральные и боковые опорные столбы и, в меньшей мере, на стены. Покрытия сооружали из бревенчатого наката и земляного перекрытия (возможно, с применением каменных плит, что прослеживалось при раскопках помещения № 2). Столбы, как свидетельствуют указанные этнографические параллели, могли быть из стволов деревьев, поставленных комлем вверх, с коротко обрубленными ветвями. Высота жилища вряд ли намного превышала человеческий рост¹⁸. Отмеченные выше однокамерность жилища, наличие жилой и хозяйственной зон, разделение жилой зоны на ряд отсеков опять-таки имеют аналогии в архаичных однокамерных домах карачаевцев, балкарцев и других народов Северного Кавказа¹⁹.

В жилищах кобанцев очаг был расположен в центральной части дома между столбами (помещение № 2) или несколько смещен к стене (помещения № 5, 8), что отражает тенденцию расположения очага в карачаевских и балкарских домах XIX — начала XX в. В VIII—VII вв. до н. э. — это открытый очаг на прокаленной глинобитной площадке овальной формы, имеющей поперечник около 0,70—0,80 м. В VII—VI вв. до н. э. очаг обрамляют три аккуратных, поставленных на ребро плиты,

¹⁰ Кобычев В. П. Поселения и жилище..., с. 25.

¹¹ Бернштейн Э. Б. Указ. раб., с. 196.

¹² Текеев К. М. Указ. раб., с. 74—77; Поляшова-Куранцева О. П. Указ. раб., с. 122—123.

¹³ Асанов Ю. Н. Указ. раб., с. 72.

¹⁴ Бернштейн Э. Б. Указ. раб., с. 193, 205.

¹⁵ Поляшова-Куранцева О. П. Указ. раб., с. 132.

¹⁶ Бернштейн Э. Б. Указ. раб., с. 207—208; Асанов Ю. Н. Указ. раб., с. 39.

¹⁷ Текеев К. М. Указ. раб., с. 79; Асанов Ю. Н. Указ. раб., с. 40—70; Поляшова-Куранцева О. П. Указ. раб., с. 135.

¹⁸ Текеев К. М. Указ. раб., с. 80; Кобычев В. П. Типы жилища..., с. 169.

¹⁹ Асанов Ю. Н. Указ. раб., с. 73.

что также хорошо известно в карачаевско-балкарском быту²⁰. Иногда в помещении (№ 5) был небольшой второй очаг у входа, служивший для дополнительного обогрева. Земляной пол в хозяйственной зоне дома, каменная вымостка-лежанка по периметру стен, хозяйственный угол (западный, правый от входа угол помещения № 5, отгороженный камнями) дают представление о внутреннем устройстве жилища. Особо интересны небольшие (3,0—4,0 м²) пристройки (северная по отношению к дому № 2 и южная, справа от входа,— к дому № 5), имеющие общую стену с центральным помещением. Пол в этих пристройках находится на том же уровне, что в доме № 5 или выше (дом № 2). В данном случае мы имеем аналогию тому типу карачаевского дома, который К. М. Текеев выделяет как «терткюл», состоящий из основного жилого помещения «юй» («уллу юй») и кладовой «гъезень»²¹. Очень похожа по размеру, расположению и конфигурации эта пристройка на такую же пристройку в дарбази, экспонируемом в Тбилиси в Музее под открытым небом и трактуемым как помещение для новобрачных. Анализируя соответствующие термины адыгского языка можно придти к выводу, что название с комнаты для новобрачных «лэгъунэ» перенесено на кладовую (а не наоборот ли?)²². При этом дается дополнительная описательная характеристика, подчеркивающая как размеры («маленькая»), так и местоположение по сравнению с основным помещением («конечная») и характер ее («отделение»). Интересно, что все эти характеристики могут быть применены к пристройкам в кобанских домах VIII—VII вв. до н. э. Кладовая — помещение для хозяйственных запасов по этнографическим параллелям находилась в правой (как и в доме № 5), наиболее почетной стороне дома и в непосредственной близости от очага²³. Аналогии найдены также такому конструктивному приему, как последовательность в сооружении кладовой. Сначала это помещение делали в единстве с основным — стена помещения кладовой и пол, аккуратно вымощенный плитами, были непосредственным продолжением пола и стен дома (см. план дома № 5). Лишь после завершения стройки воздвигалась стена, отгораживавшая кладовую²⁴. Необходимость кладовой внутри помещения под общей крышей с домом определялась отсутствием хозяйственных ям, которые были найдены при археологических раскопках поселений кобанской культуры на территории Осетии²⁵ и Чечено-Ингушетии²⁶, а также в слоях VII—VI вв. до н. э. на поселениях Уллубаганалы на Эшкаконе. Только с помощью этнографических данных оказалось возможным понять конфигурацию и назначение северной части помещения № 5 (VIII—VII вв. до н. э.), имевшей каменную вымостку, непосредственно продолжавшую вымостку пола основной части помещения. Это большой крытый двор. Вход в него был оформлен двумя столбами, базами которых служили чашечные камни.

Отдельно расположен небольшой дом (№ 8), находящийся в непосредственной близости, также ориентированный и выявленный в том же строительном горизонте. Он может быть и жилищем выделившейся семьи женатого сына, и специальным помещением для каких-то производственных целей (о чем говорит наличие водостока). К сожалению, худшая сохранность по сравнению с помещением № 5 не позволяет оценить его специфику с необходимой определенностью.

Оба эти дома были объединены в квадратную в плане усадьбу, состоящую из крытого двора, основного жилого помещения (№ 5) с цент-

²⁰ Бернштейн Э. Б. Указ. раб., с. 202.

²¹ Текеев К. М. Указ. раб., с. 76.

²² Калмыков М. Х. О некоторых терминах, характеризующих развитие жилого дома и становление моногамной семьи у адыгейских народов (адыгейцев, кабардинцев и черкесов). Археолого-этнографический сборник. В. 1. Нальчик: Эльбрус, 1974.

²³ Кобычев В. П. Поселения и жилище..., с. 140, 142.

²⁴ Текеев К. М. Указ. раб., с. 85.

²⁵ Деоник Д. В., Крупнов Е. И. Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии.— Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии, I. Орджоникидзе, 1961.

²⁶ Козенкова В. И. Кобанская культура (восточный вариант). М.: Наука, 1977, с. 13.

ральным и дополнительным очагами, кладовой в правом заднем углу, открытым двором-загоном и вторым помещением (№ 8).

Обращаясь к материалам эпохи средневековья, мы попытаемся проследить механизм динамики культурной традиции в домостроительстве, поставить вопрос о характере баланса с географической средой, о выработке адаптации к ней, о выборе экологической ниши, о степени устойчивости и жесткости стереотипа, проявляющегося в домостроительстве в различные периоды, способности к модификациям, темпах обновления и закрепления традиций, характере проявления инноваций. Сложность заключается в том, что в нашем распоряжении имеются материалы начального и конечного состояния культурной традиции в домостроительстве, разделенные почти тремя тысячелетиями, и отсутствует непосредственная коммуникативная цепочка, связывающая их²⁷. Правда, для ряда поворотных моментов мы имеем отдельные вехи, но, в отличие от VIII—VII вв. до н. э., материал по эпохе раннего и позднего средневековья у нас гораздо более отрывочный и неполный.

К сожалению, немногочисленность и неполнота фактического материала не позволяют нам применять количественные методы. Нам остается только исходить из того, что за единичными фактами стоят закономерности, поскольку при археологических исследованиях мы сталкиваемся, как правило, с многократным процессом усреднения. При достаточно случайном выборе памятника, а затем расположения раскопок на нем, мы с большей вероятностью попадаем на репрезентативную выборку, получая приближающиеся к средним показатели²⁸. Прежде всего, на основании сравнения жилого домостроительства двух строительных горизонтов VIII—VII вв. до н. э. поселения, рассмотренного нами, можно оценить «коэффициент актуализации»²⁹. К сожалению, мы ничего не можем сказать о том, как долго складывался каждый из приемов домостроительства, нашедший свое воплощение в доме № 2. Но, если по всей сумме признаков, причем не общих, а специфических, мы сопоставим дом № 2 с домом № 5, то должны будем отметить максимальную актуализацию культурного наследия: и в характере организации пространства, в ориентировке жилища, размерах, степени углубления в землю, конструкции, выделении кладового помещения, особенностях сооружения стен, пола, расположения опорных столбов, типов очага и т. д. Репродуцирующее начало настолько сильно, т. е. дома настолько повторяются в своих деталях, что можно было бы применить выражение «абсолютно консервативная культура» (коэффициент актуализации здесь приближается к 1), если бы это не несло в себе определенной аксиологической характеристики. Эта стереотипность помогает при недостаточной полноте материала понять некоторые детали, которые иначе не попали бы в поле нашего зрения. Так, например, реконструкция крытого двора (или теневых навесов) в помещении № 5, где естественные скальные обломки и чашечные камни использовались в качестве опор (базы колонн) или деталей стен, позволяет предположить наличие теневого навеса или крытого двора и для помещения № 2 на основании расположения крупных скальных обломков, идущих параллельно оси дома № 2 двумя рядами, в 3—5 м к западу от него. В поселке конца VII—VI в. до н. э. при заметном изменении в ряде компонентов той же кобанской археологической культуры (именно в это время в короткие

²⁷ В этноархеологических параллелях, о которых выше шла речь, мы можем видеть не «прерывающиеся модели», как их называет Р. Гульд (*discontinous models*), а *contipuous models*, использующиеся в тех ситуациях, когда живущие этнографические общества, на которых базируются модели, преемственно связаны с доисторическими культурами. Ситуации более редкие, но дающие более высокий уровень вероятности в интерпретациях. См. *Gould R. A. Some Current Problems in Ethnoarchaeology in Experimental Archaeology*, 1977, p. 372.

²⁸ Ковалевская (Деопик) В. Б. Применение статистических методов к изучению массового археологического материала.— *Археология и естественные науки*. М.: Наука, 1965, с. 291—292.

²⁹ Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции.— *СЭ*, 1981, № 2, с. 87.

сроки произошел переход от бронзы к железу) в домостроительстве сохраняется ряд культурных традиций, поскольку они ориентируются на устойчивые стабильные свойства среды (характер конструкции стен, полов). В жилище конца VII—VI в. до н. э. наглядно видны и инновации: появление наземных жилищ, каменных очагов, углубленных в землю хозяйственных ям, исчезновение внутренних кладовых, уменьшение общих размеров жилищ при увеличении их количества в поселении, отсутствие крытых дворов, изменение проксемики и т. д. Правда, сохранность домов этого периода настолько хуже по сравнению с домами VIII—VII вв. до н. э., что число деталей для сопоставления жилищ двух периодов существования кобанской культуры ограничено. Отсутствие археологических данных по позднекобанскому, сарматскому и аланскому времени не позволяет нам привести какие-либо убедительные материалы по домостроительству вплоть до VI—VII вв. н. э., но следует отметить, что для аланских крепостей этого времени характерна иная строительная традиция, не связанная с традициями древнего домостроительства. Объясняется это прежде всего социально-экономическими причинами — разным уровнем и хозяйственным укладом племен кобанской и аланской культур. Аланы выбирали себе иную экологическую нишу, чем кобанцы³⁰. Они селились не на надпойменных террасах, в долинах, где имелись все условия для занятия земледелием, а занимали скальные мысы на верхних точках плоскогорий, удобных для скотоводства. Неукрепленные кобанские поселки сменялись аланскими крепостями с каменной сплошной застройкой, небольшими прямоугольными помещениями гарнизонного типа с боевыми башнями за крепостными стенами³¹. В VII—VIII вв. часть, а может, и большинство крепостей было захвачено болгарами. Археологические материалы этих поселений свидетельствуют о первом появлении тюркского элемента в предгорьях и горах Карачая и района Кавказских Минеральных Вод: аланская застройка разрушается, и на руинах аланской крепости, за ее высокими каменными стенами, как символ власти над окрестным населением сооружаются небольшие юрты с каменным³², углубленным основанием многоугольной (собственно, этим документируется возникновение такой традиции в домостроительстве карачаевцев, о которой писали исследователи³³) или округлой формы³⁴. Возрождение древней домостроительной традиции, воплотившейся в помещениях кобанской культуры VIII—VII вв. до н. э. (причем механизм этого процесса в настоящее время не документирован), происходит, собственно, только с XII—XIII вв. С этого времени непрерывное существование этой традиции прослеживается вплоть до XVII—XIX вв. Во время наших раскопок на обширном средневековом поселении вблизи Кисловодска³⁵ была выявлена серия очень стереотипных больших однокамерных с мощными каменными стенами домов XII—XIII вв. н. э. с несегментированным внутренним пространством и углубленной в стену печью-камином, типичной для карачаевского и балкарского жилища³⁶. Интересно, что примыкание домов друг к другу без внутренней двери³⁷ в двойной общей стене (хотя и с общим

³⁰ Ковалевская В. Б. Северокавказские древности. Центральное Предкавказье.— Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981, с. 84—85.

³¹ Ковалевская В. Б. Раскопки аланской крепости в Карачаево-Черкесии. АО, 1975. М.: Наука, 1976, с. 125—126.

³² Ковалевская В. Б. О работе Средневекового отряда Ставропольской экспедиции.— АО, 1976. М.: Наука, 1977, с. 102—103.

³³ Федоров Я. А. Указ. раб., с. 224—225.

³⁴ По тем материалам, которые дошли до нас, неясно, имеем ли мы право называть их юртами или правильнее было бы называть их шатрами, полусферическими шалашами или чумами (Вайнштейн С. И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии.— СЭ, 1976, № 4, с. 45—47).

³⁵ Ковалевская В. Б. Северный Кавказ в X—XIII вв.— Степи Евразии в эпоху средневековья, с. 225, рис. 92.

³⁶ Кобычев В. П. О местоположении камин в традиционном жилище народов Северного Кавказа (к вопросу о методологии изучения народного жилища).— КЭС, VII. М.: Наука, 1980, с. 84—96.

³⁷ Поляшова-Куранцева О. П. Указ. раб., с. 129.

дымоходом) находит объяснение в этнографии северокавказских горцев и вызвано обычаем «избегания».

В приведенных сопоставлениях я стремилась сохранить условие «единство места», географически ограничив этнографические сопоставления верховьями Кубани, реками Подкумком и Баксаном. Целый комплекс признаков³⁸ и легко сопоставимых черт в системе традиционного домостроительства, объединяющих древнекобанские жилища Эшкакона с балкарско-карачаевскими, позволяет по-новому оценить вклад местных кавказских племен в культуру современных карачаевцев и балкарцев, о чем уже шла речь в антропологических исследованиях³⁹.

Трудно переоценить продуктивность комплексного системного исследования, когда археологические материалы позволяют этнографу понять корни изучаемого им явления и увидеть его в исторической перспективе, а археолог путем сравнительно типологического и ретроспективного анализа сможет с помощью этнографических аналогий хоть частично восполнить неполноту раскопанных материалов. Но нельзя не пожалеть, что в поездках по Карачаю только в нескольких аулах — Учкулане, Хурзуке, Хасауте — мы можем еще увидеть вещественное воплощение тех древних традиций, которые нам удалось углубить на три тысячелетия по материалам раскопок последних лет на Эшкаконе.

³⁸ К сожалению, в этнографии не определилась еще жесткая иерархия признаков домостроительства с приданием веса каждой из их групп. *Османов М.-З. О. К вопросу о принципах классификации жилища.* — Уч. зап. Даг. фил. АН СССР. Т. 19. (Сер. общ. науки). Махачкала, 1969, с. 107—126.

³⁹ *Алексеев В. П.* Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии. — О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1960, с. 312—328.

Б. А. Калоев

ПОЕЗДКА К ВЕНГЕРСКИМ ЯСАМ

Весной 1983 г. мне посчастливилось побывать в Венгрии и благодаря содействию венгерских этнографов совершить поездку в область Ясшаг, расположенную в 70 км восточнее Будапешта, на Большой Венгерской низменности. Здесь в 17 больших селах и множестве хуторов живут ясы — потомки переселившихся сюда в XIII в. части алан. Центром их административной, экономической и культурной жизни является г. Ясберень, один из значительных промышленно-аграрных городов Венгрии. Территорию области Ясшаг несколько раз пересекает р. Задва, приток Тисы, вдоль течения которой располагаются многие яские селения и хутора. Административно Ясшаг входит в Сольнокский округ (центр г. Сольнок). Немало ясов проживает в соседних районах, населенных преимущественно кунами (потомки переселившихся вместе с аланами половцев-куманов) и во многих городах Венгрии. Ясы живут также в Румынии (с ними венгерские ясы до сих пор поддерживают родственные связи).

В настоящее время ясы считают себя венграми (мадьарами), однако они до сих пор помнят о своем происхождении и сохраняют древнее название — *яс*. Переселившись в Венгрию из южно-русских степей и с Северного Кавказа, ясы образовали область Ясшаг. Территория, заселенная пришедшими вместе с ясами кунами, делилась на Большие и Малые Куны. После изгнания турок с территории Малых Кунов (XVII в.) численность населения здесь резко сократилась и опустевшие земли ясы начали использовать под пастбища. Кроме того, в Малых Кунах они основали хутора, в которых жили постоянно. Известные нам